

УДК 348.71

«Синкретизм меча и проповеди»: роль религий в идеологии и практике военных кампаний второй половины XX века

Гаврилова Юлия Викторовна

gavrilova.yv@bmstu.ru

SPIN-код: 1773-2280

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия

Аннотация. Анализ военных и политико-идеологических кампаний США и стран Европы в 1950-1990-х гг. позволил выявить системное использование идей и практик религиозного содержания для достижения политических целей. Исследование основано на сравнительно-историческом анализе механизмов пропагандистской кампании «Безбожный коммунизм» в США (1950–1960), способов координации действий Ватикана и США (ЦРУ) в поддержке движения «Солидарность» в Польше (1979–1989) и специфики этноконфессиональных конфликтов в Северной Ирландии и Югославии (1968–1995). Исследование доказывает, что религиозные институты и лидеры не ограничивались символической ролью, а активно разрабатывали идеологическое обоснование пропагандистских кампаний, консолидировали население, корректировали идентичность и обеспечивали каналы внешнего вмешательства в международные дела. Выявлены механизмы инструментализации религий: сакрализация политических задач через религиозные концепции, мобилизация масс посредством церковных подпольных сетей, легитимация насилия через теологическое обоснование.

Ключевые слова: идеология, религии, конфликт, религиозные лидеры, сакрализация политики

“Sword and Sermon Syncretism”: The Role of Religions in the Ideology and Practice of Military Campaigns in the Second Half of the 20th Century

Gavrilova Yulia Viktorovna

gavrilova.yv@bmstu.ru

SPIN-code: 1773-2280

BMSTU, Moscow, Russia

Abstract. An analysis of the military and political-ideological campaigns of the United States and European countries in the 1950s and 1990s revealed the systematic use of religious ideas and practices to achieve political goals. The study is based on a comparative historical analysis of the mechanisms of the propaganda campaign "Godless Communism" in the United States (1950-1960), ways of coordinating the actions of the Vatican and the United States (CIA) in support of the Solidarity movement in Poland (1979-1989) and the specifics of ethnic and religious conflicts in Northern Ireland and Yugoslavia (1968-1995). The study proves that religious institutions and leaders were not limited to a symbolic role, but actively developed an ideological rationale for propaganda campaigns, consolidated the population, corrected identity, and provided channels for external interference in international affairs. The mechanisms of instrumentalization of religions are revealed: the sa-

cralization of political tasks through religious concepts, the mobilization of the masses through church underground networks, the legitimization of violence through theological justification.

Keywords: ideology, religions, conflict, religious leaders, sacralization of politics

Введение. Во второй половине XX в. в США и европейских странах представители религиозных общин, включая лидеров и рядовых верующих, принимали активное участие в военно-политических и идеологических кампаниях под лозунгами исповедуемых ими религий. Подобное взаимодействие выражалось в тесном переплетении и взаимном усилении силового потенциала и религиозной миссии. Этот феномен, получивший название «синкретизм меча и проповеди», отражал сращивание религиозного авторитета с практикой военного, политического и идеологического влияния [1]. Религиозные доктрины служили для оправдания применения силы, поляризации социума и координации внешней поддержки.

Исторические корни данного феномена восходят к эпохе крестовых походов (XI–XIII вв.), во время которых Католическая церковь впервые институционализировала механизмы мобилизации светской знати через монополию на отпущение грехов в обмен на военную службу. Средневековая церковь развила уникальные способы управления военной силой: от прямого контроля над рыцарскими орденами до легитимации завоеваний через концепцию «священной войны». В эпоху географических открытий (XV–XVII вв.) сращивание религии и политики проявилось в колониальной экспансии европейских держав, в процессе которой христианские миссии сопровождали и оправдывали военные завоевания в Америке, Африке и Азии. Испанская конкиста Латинской Америки продемонстрировала классическую модель взаимодействия: папские буллы 1493 г. легитимировали территориальные захваты, а изменение религиозной идентичности коренного населения служило моральным оправданием эксплуатации. В XX столетии, особенно в период холодной войны (1947–1991 гг.), религии становятся стратегическим инструментом в идеологическом противостоянии капиталистической и социалистической систем. Компаративный анализ этих процессов позволил выявить устойчивые паттерны, воспроизводящиеся в современных конфликтах — в частности, на Ближнем Востоке, где религии служат ресурсом мобилизации масс.

Материалы и методы. Исследование основано на сравнительно-историческом анализе и методе кейс-стади военных и политико-идеологических кампаний в США и Европе в 1950–1990-х гг.: 1) пропаганда концепции «Безбожный коммунизм» в США (1950–1960); 2) координация Ватикана и ЦРУ в поддержке движения «Солидарность» в Польше с целью подрыва социалистического режима (1979–1989); 3) конфликт в Северной Ирландии (Ольстер) и распад Югославии (1990-е гг.). Сравнение кейсов демонстрирует модели использования религиозных элит политическими элитами в качестве «стратегического инструмента».

Результаты. Фраза «синкретизм меча и проповеди» описывает переплетение и взаимное усиление военной силы (меча) и религиозной миссии (проповеди) в процессе завоеваний, колонизации и укрепления власти, особенно в контексте европейской экспансии. Военная сила и ее религиозное обоснование шли рука об руку, а не последовательно или независимо. Они были двумя сторонами одной медали. В колониальную эпоху «меч» защищал проповедь, а военная сила обеспечивала безопасность миссионеров, подавляла сопротивление коренного населения обращению в новую веру, создавала политические условия, благоприятные для распространения веры. Как отмечают исследователи: «папские буллы оправдывали “меч” — религиозная идеология служила моральным и легитимным оправданием завоеваний и эксплуатации, придавая войне смысл “священной миссии”» [2]. В XX веке феномен «синкретизма меча и проповеди» проявлялся столь же ярко, как и ранее, но адаптировался к новым идеологическим контекстам холодной войны и этнонационализма. Ключевым отличием стало использование массовых коммуникаций (радио, телевидение, печатная пропаганда, а позже и Интернет) для распространения религиозно-политических идей и превращение религиозной идентичности в маркер политической лояльности. Если в колониальную эпоху религия легитимировала территориальные завоевания, то в XX в. она служила мобилизации масс в идеологических противостояниях и этнических конфликтах, в которых конфессиональные различия «представлялись» как непреодолимые цивилизационные границы [3].

Обсуждение. В период холодной войны религии стали рычагом влияния в идеологическом противостоянии капиталистической и социалистической систем. В СССР православие официально подавалось как «опиум для народа», а Церковь — как «пособник царизма». В ответ западная пропаганда использовала тему гонений на верующих в СССР для дискредитации социализма. В США массовая культура внедряла концепцию «Безбожный коммунизм», противопоставляя «богоизбранную Америку» «безбожному СССР». Эта кампания инициировалась в 1947 г., когда Католическое катехизическое общество выпустило комикс «Is This Tomorrow?» («Это будет завтра?»), изображавший гипотетический коммунистический переворот в США. Серия комиксов «This Godless Communism» («Этот безбожный коммунизм»), публиковавшаяся в католическом журнале «Treasure Chest» («Сундук с сокровищами») с 1961 по 1962 гг. с иллюстрациями художника Рида Крэндалла, распространялась в приходских школах и содержала биографии К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина и И. Сталина, представленных как воплощение зла. Конгрессмен Чарльз Керстен заявлял, что «аморально и нехристиански вести постоянные переговоры с силами (коммунизма), которые по всем религиозным верованиям и моральным заповедям есть зло» [4]. Антикоммунизм сплотил конфессии США: враждовавшие протестанты и католики объединились в «христианский фронт», ускорив интеграцию католиков в американское общество. Таким образом, через сакрализацию собственного строя и «демонизацию» политико-идеологического устройства государства-соперника

США пытались дискредитировать Советский Союз в глазах общественности, гиперболизировав антирелигиозность противника.

Еще одним примером сращивания религии и политики, не только в идеологическом плане, но и в области практических действий, является активность главы Ватикана Папы Римского Иоанна Павла II в Польше. Ватикан, используя антикоммунистическую пропагандистскую платформу, запущенную в США в 1950–1960-е годы перевел идеологическое противостояние в практику, сделав католицизм оружием подрыва социалистического режима в Польше через систематическую финансовую и организационную поддержку оппозиции. Визит Иоанна Павла II в июне 1979 г. в Польшу — первого папы-поляка и первого неитальянского понтифика за 450 лет — стал переломным моментом, превратив костелы в центры политических «свободолюбивых» дискуссий, а портрет самого Папы в символ протеста. Ватикан не ограничился символической поддержкой: через Банк Ватикана финансировались оппозиционные организации. Ватикан сотрудничал по вопросам финансовой поддержки профсоюзного движения «Солидарность» с США. Исследователь Сет Джонс документирует, что ЦРУ использовало итальянских «католических агентов» для транспортировки 3,5 млн долларов золотыми слитками из швейцарского банка в Гданьск в боковых панелях и фальшивом дне внедорожника, которым управлял священник [5]. И уже через год после визита папы, «Солидарность» насчитывала около 9 млн членов (примерно 30 % населения страны), превратившись в крупнейшее оппозиционное движение в социалистическом блоке. Несмотря на успех, финансирование продолжалось. Профсоюз AFL-CIO (American Federation of Labor and Congress of Industrial Organizations — национальный профсоюзный центр, крупнейшая федерация профсоюзов в США) направил через Национальный фонд демократии (National Endowment for Democracy), созданный в 1984 г. около 1,7 млн долларов «Солидарности», а дополнительные ассигнования Конгресса в 1988 и 1989 гг. добавили еще по миллиону долларов ежегодно [6]. Как свидетельствуют документы «Солидарности» и мемуары участников, в Польше коммуникативное пространство проповедей и значительная финансовая поддержка стали катализаторами кризиса социалистической системы, в результате которого идеологическая капитуляция власти произошла до какого-либо силового конфликта [7]. Таким образом, деятельность Ватикана и США в Польше 1979–1989 гг. демонстрирует превращение религии из духовного института в инструмент международной геополитической борьбы, который основывался на авторитете католической церкви и харизме Папы Римского и был использован для дестабилизации социалистического государства. Успех этой кампании свидетельствует о том, что в условиях холодной войны религиозная легитимность стала таким же важным ресурсом государственной власти, как военная или экономическая мощь. Отметим, что в современной историографии, в том числе, среди историков польского происхождения, существует точка зрения, согласно которой профсоюзное движение «Солидарность» считается «псевдопрофсоюзным» и исключительно

политически ангажированным. Например, Л. Войтасик писал: «Люди, которые проникли в “Солидарность”, хорошо знали современные методы политической борьбы не только в теории, но и на практике. Они готовились к этому более 20 лет, когда создали так называемые “клубы искателей противоречий” в 60-е годы <...> Западные центры идеологической диверсии и спецслужбы НАТО использовали “Солидарность” в качестве официальной ширмы для пропаганды программ подпольно действовавших в Польше антисоциалистических группировок [8].

Конфессии также становились маркером групповой принадлежности в националистических и сопутствующих им этноконфессиональных конфликтах в Северной Ирландии и Югославии. Например, в Северной Ирландии противостояние католиков, стремившихся к объединению с Ирландской Республикой, и протестантов, выступавших за сохранение связи с Великобританией, трактовалось СМИ как религиозный конфликт, хотя по своей сути он был наследием британского колониализма, экономической дискриминации и борьбы за гражданские права. В Югославии распад федерации в 1990-е гг. сопровождался этнорелигиозными чистками, во время которых Сербская православная церковь и Хорватская католическая церковь использовались для обоснования националистических нарративов. После смерти югославского лидера Иосипа Броз Тито в 1980 г. и краха коммунистической идеологии этнонационализм стал доминирующей политической силой, а религиозная идентичность — основным критерием разделения между сербами (православными), хорватами (католиками) и боснийцами (мусульманами). Сербский президент Слободан Милошевич в 1987 г. использовал государственное телевидение для изображения Югославии как «антисербской», что спровоцировало ответную пропаганду со стороны Хорватии и Боснии. Милошевич, хотя сам не был религиозным, мобилизовал Сербскую православную церковь через установки о «геноциде сербов» в Косово и историческую травму османского завоевания, апеллируя к памяти о битве на Косовом поле 1389 г., в которой сербские войска во главе с князем Лазарем, в составе коалиции с боснийцами и албанцами потерпели поражение от Османской империи под командованием султана Мурата I [9].

Заключение. Во второй половине XX в. религиозные структуры выступали не пассивными объектами политики, а стратегическими акторами, чьи доктрины адаптировались политическими элитами для сакрализации целей — от идеологической борьбы с «безбожным коммунизмом» до мобилизации «Солидарности» в Польше и оправдания этнических чисток в Боснии. Через призму документов — от законодательных актов США 1954 г. до архивов Ватикана — исследование демонстрирует, как феномен «синкретизма меча и проповеди» определял логику кампаний эпохи холодной войны и последующего распада биполярной системы. Этот симбиоз религиозного авторитета и силовой политики остается актуальным инструментом влияния в современных конфликтах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- [1] Gavrilova Y., Shchetkina I., Liga M., Gordeeva N. Religious syncretism as a sociocultural factor of social security in cross-border regions. *Mental Health, Religion and Culture*, 2018, vol. 21, no. 3, pp. 231–245.
- [2] Menache S. The Crusades from a Historical Perspective: Communication, Culture, and Religion. *Religions*, 2024, vol. 15, no. 1, 67 p.
- [3] Dobson M. Protestants, peace and the apocalypse: The USSR's religious cold war, 1947–62. *Journal of Contemporary History*, 2018, vol. 53, no. 2, pp. 361–390.
- [4] Aiello T. Constructing 'Godless Communism': Religion, Politics, and Popular Culture, 1954–1960. *Americana: The Journal of American Popular Culture*, 2005, vol. 4, no. 1.
- [5] Jones S.G. *A Covert Action: Reagan, the CIA, and the Cold War Struggle in Poland*. New York, W.W. Norton & Company, 2018, 320 p.
- [6] Puddington A. Surviving the Underground How American Unions Helped Solidarity Win. *American Educator*, 2005, vol. 29, no. 2, 6 p.
- [7] Inboden W. *Religion and American foreign policy, 1945–1960: The Soul of Containment*. Cambridge University Press, UK, 2008, 328 p.
- [8] Wojtasik L. *Elementy socjotechniki "Solidarności"*. Warszawa, Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1982, 181 p.
- [9] Popov-Momichinovich Z. Religion and Identity Politics in Bosnia and Herzegovina. *Religion and Tolerance*, 2024, vol. 22, no. 41, pp. 35–53.